

Ревизские сказки первой половины XVIII в.

Указами Петра I было положено начало подушных переписей населения России. Производились они в целях учета населения, которое подлежало подушному обложению и воинской повинности. Такие переписи, называемые ревизиями, продолжались в течение двух столетий. Состоялось всего десять ревизий.

На первую половину XVIII в. приходится две переписи. Первая проводилась с 1719 по 1723 г., вторая — в 40-х годах.

Первая ревизия охватила почти всю территорию страны. Она проводилась в Московской, Петербургской, Новгородской, Казанской, Астраханской, Смоленской, Сибирской, Азовской и Киевской губерниях¹.

Указом от 26 ноября 1718 г. предписывалось: «Взять сказки у всех (дать на год сроку) чтоб правдивыя принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола, объявля им то, что кто что утайт, то отдано будет тому, кто объявит о том»².

22 января 1719 г. вышел указ «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взысканиях за утайку душ». Предполагалось «брать во всех губерниях сказки. . . сколько где в которой волости в селе или в деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей. . . по именам есть мужеска пола, всех, не обходя от старого до самого последнего младенца с летами их, и подавать те сказки в губерниях»³.

¹ См.: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.

² ПСЗ, т. V, № 3245, 1718 г. СПб., 1830.

³ Там же, № 3287, 1719 г.

Сказки предписывалось подавать «каждому о себе помещикам, приказчикам, старостам, однодворцам.

До 1747 г. было издано 77 указов, отражающих состояние переписного дела в России. Таковы указы о начале ревизии, о характере ее проведения, изыскании мер для ускорения переписи, о мерах, предпринимаемых против утайки душ.

При проведении ревизий первичным материалом служила ревизская сказка — список, в который поименно вносились все лица, относящиеся к податным сословиям. Сказки обыкновенно писались писцами — местными уроженцами, которые, естественно, оставляли в текстах следы локальной речи.

Ввиду того, что форма сказок во время первых ревизий не была еще вполне сложившейся и в силу фискального характера документов, писцы, не ограничиваясь перечислением имен, давали характеристику людям, объясняли причины пропуска душ. В этих случаях составители сказок отходили от казенных норм изложения и пользовались средствами живого языка. В сказках XVIII в. отразились некоторые особенности северновеликорусских и южновеликорусских говоров⁴.

Основной фонд ревизских сказок находится в ЦГАДА (ф. 350). Мы ознакомились с материалами ревизских сказок, которые представляют как южновеликорусскую, так и северновеликорусскую области. Это ревизские сказки Белгородского, Воронежского, Короченского, Курского, Обоянского, Орловского, Старооскольского у., с одной стороны, Вологодского, Тверского у. — с другой. Ревизские сказки Воронежского у. насчитывают 11 ед. хранения: к 1721 г. относятся сказки жителей Карачунского стана (№ 651^а), сказки обитателей г. Землянска (№ 652), сказки солдат и мастеровых людей г. Воронежа (№ 653^а), сказки Новодальной слободы (№ 655); 1722 г. датированы сказки Чертовицкого, Усманского станов (№ 656), сказки мастеровых людей г. Воронежа (№ 657), сказки посадских людей г. Воронежа (№ 659), сказки солдат, капралов и других жителей г. Воронежа (№ 660). Кур-

---

⁴ Ревизские сказки Воронежского у. в лингвистическом плане уже рассматривались В. И. Хитровой (*Хитрова В. И.* Воронежские ревизские сказки XVIII в. — В кн.: *Источники по истории русского языка.* М., 1976, с. 51—59).

ский у. представлен 9 ед. хранения, в том числе переписными книгами. Материалы относятся к 1719—1721 гг. Это сказки однодворцев Тускорского и Подгородного станов (№ 1722), сказки старост о монастырских и помещичьих крестьянах и дворовых людях Подгородного стана (№ 1723), сказки рейтар и солдат Подгородного стана (№ 1724), сказки посадских людей (№ 1726). 9 ед. хранения относятся к Орловскому у. (№ 2624—2638): сказки обитателей Орла — помещичьих и монастырских крестьян (№ 2627), приказчиков и старост (№ 2630, № 2631), разночинцев (№ 2632). Учтены материалы Белгородского у. (№ 91), Старооскольского у. (№ 4301), Обоянского у. (№ 2525), Короченского у. (№ 1546). Сказки Вологодского у. заключают ед. хранения № 602—619, Тверского у. — № 4433—4441.

Ревизские сказки написаны скорописью на отдельных листах. Каждая сказка занимает один лист, иногда больше. Приведем для примера сказку воронежца полковой службы Кирея Терентьева сына Чернышева: «*ѸАѸ КА августа въ де по указу великого гдря прѣя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца присланномъ на Воронеже в губернской канцелярии перед брегодиром и губернатором Петромъ Василевичемъ Измаиловымъ Воронежского уѣзду Карачунского стану села Глушицъ полковой службы Кирѣи Терентьевъ снѣ Чернышевъ по евангелской заповеди господни еже еи еи в правду скозаль во время де подания в ѸѸИ году и после того в пополнительныхъ сказкахъ не написанъ у него наемной работникъ которои нанеть в пнешнемъ ѸКА году июня съ А октября по А число сего году гулящеи члвкъ бездвороваи двора у себя и пожитков не имѣеть и кормитца по разнымъ мѣстамъ работою своею Фектитъ Афонасевъ снѣ Арчековъ а окроме того в доме ево Кирѣя мужеска полу детеи и братьевъ и своиственников и приемышевъ и работниковъ и пришлыхъ гулящихъ людей и бѣглыхъ драгунъ салдаты и никакихъ мужеска полу в утайкѣ нѣтъ ни единые дши а буде онъ Кирѣи хотя единою дшу мужеска полу нне утайлъ и в сеи скаскѣ не написал и за то указал великии гдрь учинить ему Кирѣю такъ какъ о томъ в прежнихъ его великого гдря публикованныхъ указахъ изображено безо всякие пощады. К сеи скаски воронежецъ Тимофеи Чернышевъ вмѣста оца своего Кирѣя Чернышева в томъ что онъ в сеи скаски написал са-*

мою истенною правду не уоя мужеска полу ни единые души по ево велѣнню руку приложи» (№ 651^а, л. 30) ⁵.

В указе «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказокъ и о взысканиях за утайку душ» ничего не было сказано о том, как составлять ревизскую сказку. Поэтому сказки, написанные в разных местностях, несколько отличаются друг от друга. Однако расположение частей, ссылка на указы, заверение в правдивости поданных сведений более или менее сходны.

В последующие годы содержание сказок несколько изменилось.

В 1720 г. вышел вторичный указ о подаче сказок. Позднее был издан еще ряд указов. В сказках 1720, 1721, 1723 гг. говорится о «ранее прописных и утаенных душах», объясняется причина пропуска и упоминается о сказках 1719 г. Впоследствии появились смотровые сказки. Они составлялись, когда приезжал ревизор. В них сначала дается реестр — перечисление имен и фамилий, а на обороте пишется сказка. Укажем еще доношения, в которых отмечаются пропущенные люди и причина пропусков.

Во второй ревизии форма сказок, которая сложилась в ходе первой ревизии, была сохранена. В каждой сказке можно выделить следующие части: вступление, основную часть, заключение. Во вступлении обычно указывается, кто, когда, где и перед кем дает сказку. Специальные инструкции комиссаров, как составлять подобные документы, предопределили наличие в сказках устойчивых оборотов.

В основной части говорится о количестве душ мужского пола и индивидуальных особенностях людей. Указывается имя, фамилия, сословная принадлежность, род занятий: «от роду мнѣ Якову сорок семь лѣтъ двора своего нѣтъ и живу переходя по разнымъ мѣстамъ и кармлюс своею работою пз наиму (№ 1722, л. 149); от роду мнѣ Казме пятьдесятъ лѣтъ служилъ в вармѣи в салдатехъ прапорщикомъ (там же, л. 163); да у меня *ж* живет черкаской породы Микула двенатцати лѣтъ да сирота курчинин посадцкой члвкъ Захар тринаццати лѣтъ (№ 1726, л. 115 об.).

⁵ Цитируя материалы, хранящиеся в ЦГАДА,охранилище и фонд (№ 350) здесь и далее не указываем. Отмечаем единицу хранения и лист.

В заключении обычно дающий сказку заверяет в правдивости сведений.

Каждая сказка, как правило, засвидетельствована. Иногда свидетельствовал подававший сказку: села Карачюна страитель Ефимии в томъ что я в сеи своей скаски написал самую истинную правду руку приложил (№ 651^a, л. 11).

В других сказках в качестве свидетелей выступают сторонние люди.

Особый интерес представляет основная часть сказок, где излагается суть дела. Она может быть более или менее распространена в зависимости от количества вписанных в сказку душ и содержания их характеристик. Писцы отходили от казенной схемы и пользовались средствами живого разговорного языка. Поэтому лексика основной части сказок разнообразна.

Сказки содержат богатый материал по антропонимике, подтверждая, что к XVIII в. в русском языке сложилась трехчленная антропонимическая система, хотя ее совершенствование продолжалось и впоследствии.

Главы семейств, помещики, церковные служители имеют обязательное трехчленное имя. В обозначениях других лиц такое полное имя употребляется для уточнения. Так, «сирота с малых лет» именуется полным официальным именем: Федосии Иванов снъ Востриков (№ 651^a, л. 216). Употребляются только христианские личные имена.

Тексты дают возможность проследить некоторые особенности в родовой характеристике и склонении личных имен.

В северновеликорусских сказках регулярно употребляются мужские имена, оканчивающиеся на -о: *Гаврило, Данило, Кирило, Михайло* и т. д. Склоняются они по мужскому роду: вместо Кирила Яковлева руку приложил (№ 4437, л. 116); во дворе Манило... у Манила снъ (№ 602, л. 511); у Михаила брат родной Козма (№ 602, л. 441 об.).

В южновеликорусских памятниках подобные имена в им. п. встречаются с окончанием -а и склоняются по женскому роду: у меня Гаврилы зять Григорѣи (№ 1723, л. 40); у Михайлы шурина Сидор (там же); имеют пашню на меня Александру (№ 1723, л. 160); от роду мнѣ Михаиле сорок лет (№ 1724, л. 10); от роду ему Кирилы сорок лет (№ 653^a, л. 577).

И на Юге и на Севере могли употребляться в качестве фамильных обозначений прозвища: Афонасей Федосѣев снѣ Корова (№ 4440, л. 769); от москвитина Садовой слободы Семена Шученка (там же, л. 991); Федот Иванов снѣ Ворона сорока пяти лет (№ 1723, л. 83); дядя Васильѣи Ивановѣ снѣ Кочет (там же, л. 306); Василий Гаврилов снѣ Заяцѣ (№ 91, л. 1); Алексей Васильев снѣ Глаткой (№ 602, л. 59); Максим Михайлов снѣ Широкой (№ 602, л. 443).

Широко представлена тематическая группа наименований родства, например: *близнята, брат сведеный, внучек, внучата, брат родной, дочи* (им. ед.), *зятья, пасынок, племянник, шурин, дядя* (№ 602); *отец, мать, дед, муж, родственники, жена, тестъ, мать* (№ 3531); *брат, дети, племянники, двоюродный брат, двоюродные племянники, приемыш, пасынки, внуки, зять, шурин, шурья* (№ 1723); *приемыш, пасынок, дети, сын, брат родной, внучаты, внук, дядя* (№ 651^a); *вотчим, сын, дети, сват* (№ 2630).

Лица, объединяемые кровным родством, именовались *родственниками* или *сродственниками*. Отметим несколько случаев употребления слова *сродственник* в курских и воронежских сказках: а нне онѣ живеть у сродственника вдовы Маеры (№ 653^a, л. 384); а иныхъ у меня детеи кромѣ оныхъ братьевъ и сродственниковъ нѣтъ (№ 660, л. 1015); крестьянинъ з женою и сродственники иза оца моего бежал (№ 1722, л. 97). В южновеликорусскихъ сказкахъ встречаемъ и образование *сродник*: жилъ в Черкасскомъ городе у сродника своего (№ 660, л. 1004). В сказкахъ Тверского у. для обозначения родственниковъ, а возможно, и свойственниковъ, употребляли слово *сродич*: по уведомлении отъ сродичевъ своихъ (№ 4440, л. 990 об.).

Многочисленны наименования людей по территориальной принадлежности: курченинъ (№ 1723, л. 38); лебедянецъ (№ 660, л. 13); воронежецъ (там же, л. 770); ельчанинъ (№ 656, л. 75); москвитенъ (№ 659, л. 101); москвитенинъ (там же); москвичъ (№ 653^a, л. 62); ольшанецъ (там же, л. 295); верхососенецъ (там же, л. 505); землянецъ (там же, л. 525); ряшенинъ (там же, л. 602); орленинъ (№ 2630, л. 69 об.); битютченинъ (№ 651^a, л. 46). В словаре Даля этого слова нетъ. Описательные наименования: родимецъ онъ города Белева (№ 659, л. 32); родимецъ же онъ города Тулы (там же, л. 90); родимецъ онъ города Воронежа (там же,

л. 258); уроженец он города Ельца (№ 653^a, л. 440); города Орла уродимец (№ 2632, л. 8) и т. д.

Поскольку ревизуемые характеризовались и в социальном плане, в сказках немало элементов социальной терминологии: *бобыль, батрак, крестьянин, помещик, сын боярский, гулящий человек, нищий, однодворец, посадский человек, невольник* и т. д. Социально-сословные наименования иногда выступают с уточняющими, дополняющими элементами: *однодворец реитарского чину* (№ 1724, л. 1), *однодворец городской службы* (№ 4301, л. 20); *однодворець копейщикова чину* (№ 91, л. 366); *беглыи крестьянин* (№ 1723, л. 70); *однодворецъ из начальных людеи* (там же, л. 690); *дѣлового кабального члвка* (№ 2630, л. 21); *закладной крестьянин* (№ 1723, л. 57).

Встречаем далее термины, связанные с обозначением социально-экономических отношений: по переписке за цѣлой крестьянской двор в том числѣ и за ихъ Касторных повытя (№ 1723, л. 665), ср.: *повытье* — «надел, участок, часть земли на душу» (Даль, Слов.); по складке разных владѣльцовъ с кртыянскими дворами (№ 1723, л. 665), ср.: *складка* — «договор, условие» (Даль, Слов.); а с моего племянника родного по развытке указную цѣну (№ 1723, л. 665); ср.: *развытка* — «раскладка податей» (Даль, Слов.).

Бедный, неимущий в воронежских сказках назывался *обморышем*: обморыши которые у себя дворов и пожитков не имеют (№ 660, л. 406); и за скудостью и за обморышем а пуще за разорением. . . сшелъ на Воронеж (там же, л. 1023); обморышъ Фома Михайловъ снъ Просвирицын (№ 656, л. 1473 об.); скитающии меж двор обморошной родом города Усмони Емельян Ивановъ снъ Рогочев (№ 653^a, л. 427).

Широко представлена в ревизских сказках тематическая группа наименований лиц по роду занятий и служб. Обращают на себя внимание наименования со словом *мастер*: портной мастер (№ 660, л. 795); кожевного дѣла мастер (там же, л. 820); каменного дела мастер (там же, л. 998). Все же в большинстве случаев названия людей по ремеслу и занятиям однословны: *дед и отец мои были записные тверские кирпичики* (№ 4440, л. 292); в томъ дворе живут скотники (№ 602, л. 41 об.); записного кирпичника (№ 660, л. 169); ис портных (там же, л. 775); записного кожевника (там же, л. 819); записной ямщик

(№ 653^a, л. 306); отставной плотник (там же, л. 355); скорняк (там же, л. 315); про кирпичиков и камѣнщиков и ямщиков не написано (№ 4440, л. 292); дед мой Афанасей был ловчего пути что называется псари (там же, л. 308 об.); выслан был в кузнецы (№ 4440, л. 312).

Представляют определенный интерес также развернутые обозначения занятий: ремесло у меня Ивана делаю гвоздье (№ 4440, л. 312); делаю сапожное гвоздье (там же, л. 316); крашу сережное каменье (там же, л. 350—351); лью сережное каменье (там же, л. 354).

В черте южновеликорусских говоров люди, занятые неквалифицированным трудом, назывались *рабочими людьми*: оць был рабочей человек (№ 660, л. 279); у него живут рабочие люди всякую черную работу работают (№ 2632, л. 99); на оных хуторах рабочих людей нѣт (№ 659, л. 81). Бытование этого словосочетания на южновеликорусской территории зарегистрировано еще памятниками XVI—XVII вв.⁶ Северновеликорусские источники, в том числе рассмотренные ревизские сказки, примеров употребления словосочетаний *рабочий человек*, *рабочие люди* не дают.

Так как ревизии проводились с целью обложения населения подушным налогом, податели сказок характеризовали всех записанных со стороны их работоспособности. Поэтому в сказках представлена лексика, характеризующая физическое и психическое состояние человека, встречаются термины народной медицины, названия частей человеческого тела и глагольные образования, связанные с обозначением состояния здоровья: обоими ногами увеченъ лихой выточил (№ 1722, л. 570); скорбен ногами от гризи (там же, л. 791); под глоткою стоит золотуха (там же); на левой сторонѣ на груди горбы да правую рукою из локтя вывернута и растет горб (там же, л. 1016 об.); параликъ небо выпала у ногах ломъ (№ 1723, л. 1005); на ногах в стегнагъ гнаючие раны (№ 91, л. 148); увечен причерев (там же, л. 199); луно грысь прогрызла (№ 2632, л. 195 об.); на голове шолуди (№ 2870, л. 215); Андрей Павлов увечен глухъ и животом скорбен страмен руками и ногами не владеет (№ 651^a, л. 75); на правом глазу

⁶ См.: Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 223—226.

от лому шишка (№ 653^a, л. 138); в роте и в носе скорбь (№ 659, л. 101); скорблю чехотною болезнию (№ 660, л. 220); падучие шолуди (там же, л. 331); скорбен трясу-чею болезнью (№ 602, л. 99 об.); скорбен вне ума (там же, л. 168); скорбен рукам (там же, л. 175).

Большой интерес представляет сопоставление лексических данных южно- и северновеликорусских памятников.

По мнению С. И. Коткова, противопоставление слова *изба* как северновеликорусского слову *хата* как южновеликорусскому не имеет исторического обоснования⁷. В сказках Короченского и Старооскольского уездов встречаются оба слова. Там, где речь идет об украинцах, преимущественно употребление слова *хата*: построили себе толко одни хаты а иные живут в куренях (№ 1546, л. 5 об.); у него ж сосед живет ув особливо хатъ (№ 2998, л. 4), но: у него во дворъ в особливо избъ живет руской члвкъ (№ 1546, л. 16 об.). Во всех прочих южновеликорусских сказках употребляется слово *изба*: ния живут ради хрстова имени в чюжих избах (№ 651^a, л. 75); живетъ на Воронъже въ своей избушки (№ 653^a, л. 528); живет в своей избенки (там же, л. 516); живет особливой избою (№ 656, л. 694); у жителя Аксена Першина во дворе ево в ызбенки (№ 91, л. 217).

Сказки содержат интересные данные по фонетике, морфологии и синтаксису.

Скорочисъ XVIII в. характеризуется уменьшением количества выносных букв и более четкой дифференциацией *ъ* и *ь*. Поэтому данные сказок позволяют судить о произношении отдельных форм глагола с твердым или мягким конечным согласным. Южновеликорусские тексты свидетельствуют о мягком произношении.

Приводим только те примеры, где бесспорно написано *ь*: определены будутъ (№ 1723, л. 69); деловые люди каторые пашни своей не имеют а пашуть на него (там же, л. 70); деловые люди, каторые пашни своей не имеют а пашуть на него помещика моего (там же, л. 88 об.); имеют пашню (там же, л. 550); живутъ (№ 651^a, л. 49).

---

⁷ См.: Котков С. И. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 31—49.

В ревизских сказках, относящихся к южновеликорусской области, рассеяны многочисленные примеры аканья и яканья: Ягории (№ 1723, л. 91); плямянники (там же, л. 164); увечан (там же, л. 651 об.); чатырнатцати (там же, л. 735); определяны (№ 1722, л. 33); Ягор (там же, л. 178); ядят со мною вмѣсте (№ 2627, л. 20 об.); малаумян (там же, л. 86); по имяном (№ 651^a, л. 16); мужаска полу (там же, л. 21); нарадили (там же); дваровых (№ 2630, л. 67); стараста (там же, л. 86). Из косвенных проявлений аканья: сказал (№ 2630, л. 23); глoзами (там же, л. 71 об.).

Южновеликорусские тексты отличает написание *y* вместо *ы* в слове *приемыш*: приемуш Трофим (№ 1723, л. 34); приемуш Авдеи (там же, л. 36); у Исаи приемуш (там же, л. 37); приемушев в домех нетъ (№ 2630, л. 114); приемушь (№ 656, л. 873 об.); ср.: приемъшев в утайке нѣтъ (№ 651^a, л. 23).

В южновеликорусских сказках можно отметить и такую особенность, как написание *y* вместо *в* (предлог или начало слова): у сказехъ изображено (№ 651^a, л. 8); унук Аксен (там же, л. 21); унуки Селивановы (№ 1723, л. 38); унук Семен (там же, л. 40); у правой ноги грись (там же, л. 705); у ногах ломъ (там же, л. 1005); у щеках костей нет (№ 1724, л. 28).

На стыке предлога *y* и следующего за ним слова, начинающегося на гласный, в сказках встречается *ув*: ув Ыгната (№ 1722, л. 18); ув Архипа (№ 1723, л. 34); ув Ананьи (там же).

На Юге также зафиксированы написания *x* и *xв* вместо *ф*: у него Хрола прописных нѣтъ (№ 656, л. 612); брат родной Ехимъ (№ 2627, л. 182); Хроль Евдокимовъ (там же); Фехвелъ Акинтьев снъ Готовцов сказал увѣчен правою рукою. . . в доме Фехвела. . . у него Хвехвила. . . Фехвил сказал. . . вмѣсто Фефела Готовцава (№ 660, л. 620). Наблюдается и употребление *ф* на месте *x*, *xв*: фвора была (№ 660, л. 567); Пофом (№ 1723, л. 34); Самофалов (там же, л. 1003).

Так как в ревизских сказках не все части речи представлены с одинаковой полнотой, то сведения по морфологии несколько ограничены. В составе сказок находим преимущественно существительные, прилагательные, числительные. Глагольные формы менее употребительны.

Отмечается наличие некоторых старых падежных окончаний у имен существительных; тв. мн. муж. р.: за де-

нежною казною и за колодники (№ 2630, л. 114 об.); вместо старосты да выборных с товарищы (№ 651^a, л. 11); Степан с племянники и с пасонкомъ и со внучеты своими (№ 656, л. 250); крестьянин з женою и детми и сродственники (№ 1722, л. 97); прикащик с товарищы (№ 602, л. 108); с протчими ловчего пути псари (№ 4440, л. 308); с протчими ис того села жители (там же, л. 456 об.). Предл. мн. муж. р.: на караулах (№ 2630, л. 14); во дворѣхъ (там же, л. 66); в драгунех (№ 1723, л. 270); в указехъ (№ 651^a, л. 30); в крестьянских дворах (там же, л. 11); в разных годах (там же, л. 12); в солдатах (№ 1722, л. 181 об.); в городех (№ 659, л. 118); в давних летех (№ 4440, л. 990 об.). В дат. мн. имен муж. р. пережиточно еще сохранялось окончание *-ом*: по имяномъ (№ 2630, л. 16).

В северновеликорусских сказках находим яркие примеры архаичных и диалектных образований: вдова Настасья Филипова дочи (№ 602, л. 188); скорбень рукамъ (там же, л. 175); съехал за салдатам (там же, л. 171 об.).

Сказки свидетельствуют, что на Юге было употребительно окончание *-ово* в род. ед. прилагательных и местоимений: тесь ево (№ 2627, л. 213); по ево прошению (№ 1723, л. 469); от ково (там же, л. 469 об.); у помещика моево (там же, л. 605); в доме ево (№ 651^a, л. 46); вместо выбунова (№ 2630, л. 14 об.); вместо приказнова и выборнова (там же, л. 36 об.) и т. д.

Как южновеликорусская особенность выступает личное и возвратное местоимение род.-вин. ед. на *-е*: у мене снѣ (№ 656, л. 690); у мене дети (№ 1723, л. 70); на себе имеютъ пашню (там же, л. 605); у мене дети (№ 1722, л. 4); у мене ж внук (там же, л. 13); да у мѣне ж Алфима зять (№ 1724, л. 380).

Из синтаксических особенностей следует отметить в северновеликорусских текстах частое повторение предлогов: в помянутом в селце (№ 4440, л. 141); во оном в селце (там же, л. 216); с помянутым с прежним прикащиком с Тихоном (№ 602, л. 445); в прошлом в году (№ 4437, л. 602); з детми з двумя (там же); у помещицѣ у вдовы (там же).

Краткое обозрение ревизских сказок показывает, что в них содержатся ценные сведения по истории русского языка XVIII в.